

«ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА»

(по книге С. Алексиевич «У войны не женское лицо...»)

М.А. СЕНЮКОВИЧ, учащаяся 9 «А» класса
ГУО «Средняя школа № 3 г. Ганцевичи»

Войну мы вспоминаем не затем,
Чтоб лишний раз победой насладиться.
Мы просто повторяем вся и всем:
Подобное не должно повториться!
С. Баруздин

О минувшей войне необходимо знать все. Надо знать, и чем она была, и с какой безмерной душевной тяжестью были связаны для нас дни отступлений и поражений, и каким безмерным счастьем была для нас Победа. Надо знать и о том, каких жертв нам стоила война, какие разрушения она принесла, оставив раны и в душах людских, и на теле земли. В таком вопросе, как этот, не должно быть и не может быть забвения. (К. Симонов)

И памятью той, вероятно, душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной не станет для мира война.
А. Твардовский

Как страшна война ... Как горько осознавать, что война – и наше настоящее. Почему? Возможно, в том причина, что кто-то не извлек уроков из прошлого или вовремя не прочел нужные книги. Не нужно повторять чужих ошибок. Нужно читать. И о войне в том числе. Нужно видеть и слушать тех немногих оставшихся участников той Великой войны. Ведь именно нам решать, каким будет XXI век.

А может, не было войны? И людям все приснилось:

Опустошенная земля, расстрелы и концлагеря,
Хатынь и братские могилы?..
А может, не было войны? И мир себе ее придумал?
... Но почему же старики так плачут в мае от тоски? –
Однажды ночью я подумал... –

так пишет Александр Розенбаум. И я это хорошо знаю, вспоминая прадеда – инвалида великой Отечественной войны, на груди которого скромно позванивали орден Славы III степени, три ордена Красной Звезды, боевые медали... *«Да, война – дело мужское, самое трудное, самое страшное в жизни, - так твердил прадедушка. – Но война была нашей работой, и мы ее выполняли»*. Недоумевал, как войну выдержали женщины, те, которым довелось сражаться и на фронте, и в тылу. Испокон веков на войну уходили мужчины. Оставляли дома жен, матерей, сестер: поднимать детей, беречь домашний очаг и – ждать их. Но июнь 1941 года поднял на защиту страны весь наш народ от мала до велика. Не десятки и даже не сотни, а тысячи женщин наряду с мужчинами надели гимнастерки и сапоги. Женщина на войне – тяжело, сложно, необъяснимо... А книгу С. Алексиевич *«У войны не женское лицо...»* считает правдивой книгой.

Женщина дает жизнь, оберегает жизнь, женщина и жизнь – синонимы. Она не только спасала, перевязывала раненых, а и стреляла из «снайперки», бомбила, подрывала мосты, ходила в разведку, брала «языка». Женщина убивала. Она убивала врага, обрушившегося с невиданной жестокостью на ее землю, на ее дом, на ее детей. *«Не женская это доля – убивать»*, - скажет одна из героинь этой книги, вставив сюда всю жестокую необходимость случившегося. Другая распишется на стенах поверженного рейхстага: *«Я, Софья Кунцевич, пришла в Берлин, чтобы убить войну»*. То была величайшая жертва, принесенная ими на алтарь Победы. И бессмертный подвиг, всю глубину которого мы с годами мирной жизни постигаем, семьдесят пять лет постигаем...

Как создавалась книга С. Алексиевич? Сама Светлана Александровна говорит: «Четыре мучительных года я иду обожженными километрами чужой боли и памяти. Записаны сотни рассказов женщин-фронтовичек: медиков, саперов,

связисток, стрелков, зенитчиц, политработников, танкистов, десантниц, матросов, регулировщиц, шоферов, рядовых полковых банно-прачечных отрядов, поваров, пекарей, партизанок, подпольщиц». Светлана Александровна узнавала адреса бывших фронтовичек. И приезжала к ним. В каждом доме ее встречали по-разному. Иные отказывались, говорили: «Нет-нет, с сердцем и так плохо». Но через некоторое время отказывались молчать, понимая, что все равно будет «плохо». Так получилась книга рассказов-исповедей.

Свою книгу С. Алексиевич писала в документальном, публицистическом стиле. И поэтому с самого начала работы над книгой ее одолевали сомнения в правильности выбранного направления. И эти сомнения сопутствовали автору до последней точки. Хотя вряд ли она будет поставлена в такой работе. Ведь эта тема бессмертна.

Героини С. Алексиевич не знаменитые снайперы и не прославленные летчицы или партизанки, о них уже немало писали. Известные имена писательница сознательно обходила. *«Мы обыкновенные военные девушки, каких было много»*, - слышалось не раз из их уст.

Собранные рассказы женщин рисуют облик войны, у которой совсем не женское лицо. Они звучат как свидетельства обвинения фашизму вчерашнему, фашизму сегодняшнему. Фашизм обвиняют матери, сестры, жены. Фашизм обвиняет Женщина.

Какие они были, девчонки сорок первого, как уходили на фронт? Как жили на войне, что думали, чувствовали, как сложилась их судьба после войны? Об этом книга *«У войны не женское лицо...»*

Светлана Алексиевич рассказывает, с чего начался поиск, который продлился четыре года, и продолжается сейчас. В старый трехэтажный дом на окраине Минска С. Алексиевич привела небольшую заметку в городской газете о том, что недавно на минском заводе дорожных машин «Ударник» провожали на пенсию старшего бухгалтера Марию Ивановну Морозову. А в войну, говорилось в заметке, она была снайпером. Имеет одиннадцать боевых наград. Трудно было соединить в сознании военную профессию этой женщины с

ее мирным занятием. Но в этом несоответствии предчувствовался ответ на вопрос: кто в 1941-1945 годах становился солдатом?

Маленькая женщина с трогательным девичьим венцом длинной косы вокруг головы, совсем не похожая на свой четкий газетный снимок, сидела в большом кресле, закрыв лицо руками:

- Нет-нет, не хочу вспоминать... Нервы никуда. До сих пор не могу военные фильмы смотреть.

Потом спросила:

- А почему ко мне? Поговорили бы с моим мужем, вот он бы рассказал... Как звали командиров, генералов, номера частей – все помнит. А я нет. Я помню только то, что со мной было, что гвоздем в душе сидит...

Попросила убрать магнитофон: *«Мне нужны ваши глаза, чтобы рассказать, а он будет мешать».*

Мария Ивановна Морозова (Иванушкина), ефрейтор, снайпер:

– Война началась, мне неполных восемнадцать. Записались на курсы при военкомате, где обучали стрелять из боевой винтовки! Вскоре объявили призыв к молодежи встать на защиту Родины, поскольку противник был уже под Москвой. Отбор был очень строгий, дали вещмешки и в товарный поезд погрузили... Мы еще не знали, куда нас зачислят, кем мы будем. Только бы на фронт. Все воюют – и мы. Приехали на станцию Щелково, недалеко от нее была снайперская школа. Оказалось, нас туда. Стали учиться. Изучали уставы – гарнизонной службы, дисциплинарный, маскировку на местности, химзащиту. Девчонки все очень старались! С закрытыми глазами научились собирать и разбирать «снайперку», определять скорость ветра, движение цели, расстояние к цели, ячейки копать, ползать по-пластунски. По окончании курсов огневую и строевую я сдала на «пять». А вот самое трудное было подняться по тревоге за пять минут. Старшина переживал: «Как мне сделать из вас солдат, а не мишени для фрицев?» Прибыли на фронт. Под Оршу. В 62-ю стрелковую дивизию. Командир рассердился, увидев нас. Проверил, как умеем стрелять, маскироваться. На задания

ходили парами, одной от темна до темна сидеть тяжело, глаза слезятся, руки немеют. Зимой особенно трудно. По двенадцать, а то и больше часов лежали в снегу или забирались на верхушку дерева, на крышу сарая или разрушенного дома и там маскировались, чтобы враг не видел, где мы, откуда ведем наблюдение. Я не знаю, откуда в нас бралась смелость... Хотя не дай Бог женщине быть солдатом. А что еще думаю.... Сколько война была, очень долго... Ни птиц, ни цветов не помню. Вот такое... странно, правда?.. Война и теперь снится. То бежишь в укрытие, то на другую позицию. Проснешься – и не веришь, что живая...

Центральная проблема книги С. Алексиевич – воспитание чувства долга, чести, гражданственности, патриотизма, проблема памяти, ответственности за будущее, отношение к женщине. Здесь война раскрыта через чувства женщин – участниц страшных битв. Это не случайно: мужчины и женщины по-разному воспринимают войну. Вот как об этом говорит Саул Генрихович Подвышенский, муж Ольги Васильевны: *«У меня больше конкретного военного задания, а у нее чувства. А чувства всегда ярче»*. И на войне, и после победы солдаты, огрубевшие от военной жизни, не утратили уважения и любви к женщине. Молодые девчонки, прибывшие на фронт, вызывали жалость и тяжелые раздумья у солдат: *«Неужто мужиков не хватало, что дитэй таких побрали... дивчаток...»* Кем же были эти молодые девчата для солдат? Ветеран Ольга Васильевна Корж вспоминает: *«Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица становились другими, даже звук женского голоса преображал их...»*. «Сестренки», - так ласково называли их солдаты – многие обязаны были «сестренкам» жизнью. Они уходили и уходили на фронт. *«Все для нас, девчонок, в армии было сложно»*, - вспоминает Нина Яковлевна Вишневская, старшина, санинструктор танкового батальона. *«Надо ли было пускать девушек на фронт? Не знаю... Но они были на войне и сделали великое дело. Они, как и мы, носили кирзовые сапоги, тяжелые шинели, спали на снегу, умирали от пуль и осколков»*, - вспоминал С.Г.Подвышенский. Женщины утоляли боль и подносили снаряды, были комсоргами танковых батальонов и ме-

ханиками-водителями..., хотя в нашем языке у слов «танкист», «пехотинец», «автоматчик» нет женского рода, потому что работу эту еще никогда не делали женщины. Это были смелые, необыкновенные девчонки. За свои подвиги многие из них награждены орденами и медалями. А что значит получить орден «За боевые заслуги»? Это значит вынести пятнадцать тяжелораненых с поля боя. Да еще с личным оружием, будь то винтовка, автомат или пулемет. Женщина вынесла, выстояла, при этом сохраняя нежность и женственность. Собранные в книгу рассказы женщин рисуют облик войны, у которой совсем не женское лицо, звучат как свидетельства-обвинения фашизму. *«Когда смотришь на войну нашими, бабьими глазами, так она страшнее страшного»*, - говорит А.И. Мишутина, сержант, санинструктор. В словах этой простой женщины, которая прошла всю войну, потом вышла замуж, родила троих детей, вынянчила внуков, и заключена главная идея книги. Женщина не предназначена для войны, ее место у домашнего очага.

После выхода книги «У войны не женское лицо...» в адрес автора пришли многочисленные читательские письма. Особо потрясает человеческая исповедь. Вот живые голоса самой жизни: *«Когда я вспоминаю о войне, то чувствую холод от наставленного в спину автомата. И жду выстрела... До сих пор не могу от этого избавиться»* (связистка Мария Ивановна Бочарова); *«Помню самый тяжелый сорок первый год. Немцы под Москвой. Я перевязываю раненого и плачу. Он меня спрашивает, почему я плачу. Я отвечаю, что немцы под Москвой. Солдатик твердо произнес, что Москву немцам не взять, и тут же умер»* (М.П.Атяшева, г. Гродно); *«Все годы после войны старалась вытравить из памяти все ее ужасы, забыть о ней. Это мне удалось только в том, что я забыла номер части последней службы, а все остальное не забудется никогда»* (ветеран войны Н.И. Зеленова, Красноярский край); *«Имею однокомнатную квартиру, пенсию. Но не имею здоровья. Живу на таблетках. Инвалид второй группы. Где я потеряла свое сердце, откуда у меня инсульты? Понятно: холод, окопы, землянки, мокрые валенки, жара 40-45* и марш-броски при полной выкладке. Да, мы исто-*

рия. Но не было бы нас, не было бы и вас – так иногда приходится напоминать молодым, когда видишь равнодушие, бессердечность, неуважение... Невольно задумываешься, начинаешь сомневаться: а может, то, что пережили, только наше?.. (В Руденко, Запорожье); «Прочла эту книгу, и каждой из этих женщин хочу поклониться в пояс. Я всех их люблю. Они мне все матери» (Вика Казаренко, студентка, г. Гродно); «Наши родители называют нас непонятными молодыми людьми. Им кажется, что мы другие, т.е. хуже. А мы просто другие, в другое время живем. У нас другие слова, другая одежда, но мы их дети, плоть от плоти, кровь от крови» (Костя Кедышко, без адреса).

Все тот же спор, что и сто, и двести, и триста лет назад... И мне слышится уже единый хор, в котором не различить отдельных голосов, отдельных имен: *«Горел город. Мне было очень страшно, потому что во мне был ребенок. А сейчас этот ребенок вырос и не хочет ничего этого знать...»*; *«Я с малым сыном находилась в семейном партизанском отряде. Во время блокады он просил меня, чтобы я бросила его в болото»*; *«Погибали ребята с фотокарточками в кармане: матери, невесты, а кто постарше – жены, детей. Достанут перед боем: вот закончится война...»*.

Два конца человеческой жизни – старость и юность. Начало и конец. Исток и устье.

В одном из писем прочла: *«Как это можно забыть? Это нужно помнить вечно!»* Письмо из Ленинграда от Елены Ивановны Бабиной: *«Смотрю на своего внука, слышу его детский смех... Вспоминаю... Вспоминаю своего брата, которому в сорок первом было шесть лет. Ни разу за всю войну я не слышала его детского смеха и никогда не видела его улыбку. Он был почти как взрослый, угрюм и молчалив, часто о тем-то думал. Мы с мамой не видели, чтобы он играл и баловался. Однажды женщины увидели, как дети волокут по земле снопы, и ахнули: «Не надо, дети, мы сами, а то колоски осыпаются».* Сразу сообразили и ухватились вдвоем за один сноп. И так помогали матерям целый день. Женщины плакали, когда смотрели на них...»

«Я детский врач из Сталинграда, не смогу забыть до своего последнего часа 4-летнего Юрочку Шириидского, которого со станции на руках принес его отец – рабочий завода. Увидев ребенка, я обомлела. Нет, это был не ребенок, а серый мешок, наполненный жидкостью, вместо глаз – щелки, на левой щечке большое черное пятно – омертвевшая ткань. Изголодавшийся ребенок заболел корью, затем воспалением легких, гнойным плевритом. И хотя каждые руки на заводе были на вес золота, я решила временно оставить отца при сыне – одни мы бы не правились. Малыш отдельно лежал от отца, и нам-то, врачам, было страшно смотреть... Но... свершилось чудо! Очень медленно, но он начал поправляться, вот уже встал на ножки, начал заново учиться ходить. Когда он набрался сил, его перевезли в хирургическую больницу для пластической операции. После операции я его видела, дефект щечки еще оставался, но мальчик был спасен. Возможно. Юра Шириидский случайно прочтет мое письмо, я буду счастлива на склоне лет узнать о нем, о его жизни. Ведь он – частица моей сталинградской души...», - вспоминает Елизавета Абрамовна Наймарк.

За каждым письмом – отдельная судьба, одно только в них общее – война. Москвичка Валентина Дмитриевна Громова: *«Три ранения и тяжелая контузия очень меня мучают. До сих пор ношу в себе четыре осколка, два вырезали. Мне кажется, что нет таких слов в человеческом языке, чтобы написать нам все, что я видела и пережила на фронте с сорок первого по четвертый год». Из письма В. Ананченко, бывшего зенитчика, командира орудия: «Прошло сорок лет, как девушки, с которыми я шел на фронт, сняли солдатские шинели, но война еще с ними. Не могут они выбросить ее из сердца своего – она отняла у них молодость. Это люди без юности. Об этом надо знать всем и особенно чутко относиться к таким людям, и помнить об этом не только в праздники, а каждый день». Пишет Любовь Михайловна Ильина из Ростова-на-Дону: «Для того чтобы вспомнить, надо написать эти строки, «вернуться в войну», а это так ужасно, мучительно. Когда она пришла, проклятая, на нашу землю, мне еще не вышло четырнадцати лет. По мобилиза-*

ции из 32-й школы им. Буденного уезжала в Сальскую степь на уборку урожая в помощь фронту. После второй оккупации Ростова друзья привезли меня домой в тяжелом состоянии. На станции, где нас собирали для отправки в Германию, не сговариваясь, мы бросились бежать. Многих тогда перестреляли, а остальных замкнули в вагонах, которые открыли только в Ковеле для санобработки... Однажды, придя в себя, в отчаянии я сказала: «Дали бы мне кусочек хлеба, я дала бы расписку, что в меня могут стрелять... Поймет ли тот, кто не пережил такого?..» Волнует это и преподавателя Нежинского пединститута Павла Владимировича Михеда: «Я часто слышу от студенческой молодежи, что она сознательно стремится обойти «дискомфортную» литературу. Они тогда взрослеют, молодая душа высвечивается предчувствием истины суровости бытия. Мне кажется, что они по-другому смотрят не только на прошлое, но и на настоящее». Очередное письмо: «Четыре раза я был ранен, и четыре раза меня вытаскивали из-под огня девчонки-санинструкторы. Последний раз тащит, а я был больной, тяжелый, да две ноги перебиты, из сил выбивается. Помогаю, как могу, толкаю землю руками, раз ноги не слушаются. Она прилегла. Я думал – решила передохнуть. Трогаю за плечо – не отзывается. Кричу – не отзывается. Убита! Сорок лет после того живу, а лицо той девчонки перед глазами стоит... Недавно встретил на улице похожее молодое лицо и вздрогнул: она? А потом опомнился – сорок лет прошло. Но девчонка была такая похожая...»

Эти непонятные старые люди и эти непонятные молодые люди. Вот так перекликаются они во времени, храня ту тонкую цепочку, что идет от человека к человеку. Как же прекрасно это – человеческое желание – отозваться в другом. Как оно понятно! Может быть, именно им и питается наша идея человеческого бессмертия.

Книга «У войны не женское лицо...» заканчивается призывом: «Поклонимся ей до самой земли, ее великому Милосердию!» Это призыв к нам, молодым. Работая над своим характером, мы должны воспитать в себе все самые добрые человеческие чувства, и прежде всего чувство уважения к

Женщине, той Женщине, благодаря которой мы есть. Читая эти воспоминания, понимаешь, какие чувства наполняли их сердца, когда им приходилось первый раз стрелять в противника, выживать в рукопашном бою, мгновенно определять, как спасти раненого... Какие чувства борются в душе матери, когда она отправляет своего сына в разведку, слышит голос падающего в колодец ребенка... И ты веришь безоговорочно, проживаешь вместе с ними, понимая, сколько надо силы, чтобы выстоять морально и не сломаться.

Война не отменила жизни. Она только перевела ее в другое качество, восстанавливая в человеке разорванные звенья народности, духовности, обосновываясь на православной идее добра, любви, милосердия, памяти, что всегда возвышает, насыщает и просветляет сердце красотой и истиной, помогая молодым людям увидеть себя в мире - увидеть мир, то есть пространство, и почувствовать время: начало, историю и нынешний день. Ведь смысл человека лежит в основании мира, а в мире всегда! все безупречно продумано и отечески любимо.

Список источников литературы

1. Алексиевич С. А. «У войны не женское лицо...», М.: Просвещение, 1984.
2. Ж. «Литература в школе». Просвещение, 1988, № 2.
3. Газетные публикации 1986-1988 гг.
4. Ж. «Работница», 1984, с.11-15.
5. Кудрявцева Ю. И. Образ женщины в годы Великой Отечественной войны в произведении С. Алексиевич «У войны не женское лицо»//Международный студенческий научный вестник. – 2018. - № 6.